

Борис Косенков

ТАК И

ЖИВИМ

Стихотворения

Борис Косенков

Так и живём

«Animedia»

2020

Косенков Б.

Так и живём / Б. Косенков — «Animedia», 2020

ISBN 978-80-7499-323-7

В свой четвёртый (и первый сетевой) сборник стихов поэт член Союза писателей России Борис Косенков включил, в основном, произведения, написанные на рубеже двух веков в самое последнее время. Тематика стихотворений широка: от интимной лирики до сатиры и стихотворной публицистики, от баллад до песен и романсов. Заметное место в сборнике занимают произведения о Великой Отечественной войне. Среди них и поэма «Прожектора», ставшая одним из победителей конкурса «Герои Великой Победы-2017». Поэт использовал весь свой версификаторский арсенал, предлагая читателю не только классический стих, но и разные формы рифмованного и нерифмованного верлибра. Многие произведения публиковались в коллективных сборниках, а также в бумажной и сетевой периодике, в том числе в журнале «Невский альманах», еженедельниках «Литературная газета» (под псевдонимом «Борис Дунаев»), «День литературы» и «Российский писатель».

ISBN 978-80-7499-323-7

© Косенков Б., 2020

© Animedia, 2020

Содержание

Борис Косенков	5
Прожектора	5
Дубовая роща	5
Старый хрен	5
Три глотка	6
Мамаев курган	7
Салют над Волгой	8
В День Победы	9
Бездна	10
Память	10
Земеля	11
Прожектора	12
Осколки гибридной войны	16
Сезонное обострение	16
Последний бой	16
Теория относительности	17
Гуманизм-XXI	17
Примечание на полях войны	18
Чужаки	18
Академия Голливуд	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Борис Косенков Так и живём Стихи и баллады

Прожектора

Дубовая роща

В ночь накануне наступленья,
от ливня схоронясь под дуб,
сержант строчил стихотворенье,
карандашом корёжа БУП.
Он вслух мечтал совсем по-детски
о той, чьи очи далеки...
Но лопотали по-немецки
в промокшей рощице дубки.
Бойцы курили вдоль опушки,
цигарки принакрыв рукой.
Потом заголосили пушки,
долбя окопы за рекой.
И вскоре шагом торопливым
с уставом в сумке полевой
сержант нырнул в огонь и ливень,
как будто в омут головой.
Что в том пути ему досталось?
Жив или сгинул он?.. Бог весть!
А роща у реки осталась
расти, и зеленеть, и цвести.
И до сих пор, когда полощет
заря лучи свои в реке,
его стихи лопочет роща
на чистом русском языке.

Старый хрен

В пушкарки берут народ зубастый:
всё-таки войны могучий бог!..
Прибыл в батарею из запаса
замполитом бывший педагог.
Лет под сорок, низенький, дебелий,
и скудна кудрями голова...
«Старый хрен, куда ты прёшься?» –

спела
в честь него безусая братва.
Он не стал мудрить в политработе
и, бессменно по взводам снуя,
верен был испытанной методе:
делайте, ребята, так, как я!
Пушки двигать вёрст по десять кряду,
добывать растопку в холода,
рыть окоп, подтаскивать снаряды –
всюду лез он первым...
А когда
молодёжь едва вязала лыко,
отразив очередной навал,
«Старый хрен, куда ты прёшься?» –
лихо
он баском подсевшим запевал...
Вражий танк стремительно и дерзко
в тыл прорвался – там ему простор!
Надо бить – а у ребят задержка:
как на грех, заклинило затвор.
Пыша жаром, «тигр» в упор катился,
то ныряя, то давая крен...
Командир за голову схватился:
– Ну, куда ты прёшься, старый хрен!
Но, ценой порыва и расчёта
чёрной силе выйдя поперёк,
старый хрен свою политработу
вёл, как показательный урок.
И, перекрывая канонаду,
крупповскую сталь разя насквозь,
непреклонно грянула граната...
Или это сердце взорвалось?..

Три глотка Рассказ ветерана

Воздух ахнул –
снаряд взорвался
и плеснул мне в глаза огня...
Нас обоих ранило с Васей:
в грудь его
и в ногу меня.
Нас товарищи перевязали
и, к рейхстагу спеша вперёд,
фляжку сунули нам и сказали:
«Санитары придут вот-вот...»
Вася Зинченко был сталинградский,

я из Сызрани.
Земляки!
Мы лежали, деля по-братски
хлоркой пахнувшие глотки.
А в Берлине война лютовала,
залпы шли от ствола к стволу.
Солнца диск пробивался кроваво
сквозь густую дымную мглу.
Вася бредил всё тише и тише,
всё плотней прикипал к земле.
Звал жену и двоих детишек,
хворью сгубленных в феврале.
Через улицу в тёмном подвале
двери вышиб фауст-патрон...
Вдруг откуда-то из развалин
появился пацан с ведром.
В этой битве, надсадно ревущей,
как взбесившийся ураган,
он стоял –
белобрысый, худющий,
весь прокопченный мальчуган.
Был понятен и мне, и Васе
тот всемирный язык беды:
«муттер кранк» и что-то про «вассер».
Ясно – матери просит воды.
Нам самим-то выжить судьба ли?
Взгляд терялся в едком дыму...
Вася тихо скрипнул зубами:
– Нашу воду... отдай ему...
На губах – шершавая корка,
пить охота до дурноты...
Прямо с флягой я сунул в ведёрко
весь запас – три глотка воды...
А Василия скоро не стало.
Кровь впиталась в асфальт и грязь.
А меня унесли санитары,
спотыкаясь и матерясь.
И всё чудилось мне над нами
в небе, сером, точно зола,
то ли облачко,
то ли знамя...
То ли чья-то душа плыла...

Мамаев курган

Где раньше полыхали рубежи,
теперь всю благоухают травы...

А в непогодь осеннюю, скажи,
твои, земля, наверно ноют раны?
Истерзанную плоть твою тогда
осколки угловатые тревожат.
И дождевая мягкая вода
ожогов старых боль унять не может...
Но это будет осень.
А пока
весенним духом тянет из расселин.
И щедро увлажняют облака
твою разбушевавшуюся зелень.
И так твои кустарники шумны
над Волгой – по откосам, по долине,
как будто жажду жизни и весны
ушедшие в тебя
им подарили.

Салют над Волгой

Вот и залпы спугнули тишь,
вот и хлынули в небо ракеты...
Что же ты, ветеран, грустишь
у гранитного парапета?
Ведь вокруг, по-над Волгой, – весна,
смех и говор юного люда.
И горят твои ордена,
как весёлые звёзды салюта...
Что ж ты вспомнил, солдат седой?
Может, отблеск кроваво-алый
беспощадной ракеты той,
что в атаку тебя подымала?
Или снова, в который раз,
в неостывшей памяти встали
те скрещенья огненных трасс,
что тебя и друзей хлестали?
Или вновь, как на той войне,
ты услышал, как в час постылый
безотрадно звучит в тишине
скорбный залп над братской могилой...
Только всё-таки вспомни ты
и о том, как плескались флаги
и на танки летели цветы
на ликующих улицах Праги.
Как победно на площадях
под гармошку плясали солдаты,
и как стыла слеза в глазах
у выдавшего виды комбата.

Посмотри – ведь вокруг весна,
смех и говор юного люда.
И горят,
как твои ордена,
звёзды праздничного салюта.

В День Победы

Во дворе под старушкой-вишней,
шибко важен и в меру пьян,
над столом, над роднёй,
как Всевышний,
возвышается дед Иван.
А застолье –
дружки да поросль
сыновей, племяшей да снох –
то согласно,
а то вдруг порознь
вяжет песни упругий сноп.
И колосьями,
пышно и гордо,
то согласно, а то не в лад,
не слова, не звуки, а годы
в голове у деда шумят.
Снова дед
разбитной и тёртый,
не считает ни ран, ни кручин.
Чуть подрезана гимнастёрка,
вдрызг надраены керзачи.
И судьба проста и понятна,
командиру займы вручена...
Эх, изруганные,
эх, проклятые,
эх, отчаянные времена!
Как сражалось,
как пелось,
как топалось!
Как любилося –
только держись!..
Боль – и молодость,
гнев – и молодость,
кровь – и молодость,
смерть – и жизнь...
Песня выстрадана, допета.
Дед, ладонью пристукнув смех,
– За Победу! – гремит. –
За Победу!.. –

и, помедлив, скорбит:
– За тех,
кто не дожил...
И горло скрутило –
то ли водка жжёт,
то ли стон...
А хозяйственная баба Тина
знай подкладывает на стол.
Баба Тина сегодня ласкова
и послушна, как никогда.
На груди у деда приплясывают
завоёванные города.
И на тихих или зубастых,
на работников и солдат,
жёны с гордостью и с опаской
на своих мужиков глядят.

Бездна

Ни залпов, ни слов, ни мелодий
уже не слышать в тех краях,
где души подводников бродят
на мёртвых своих кораблях.
Уже ни чинуши, ни грозы
не властны над бездною той,
где горькие женские слёзы
с забортной смешались водой.
Ни песен там, ни разговоров.
Реакторы глухо молчат.
и вахтенные у приборов,
как тени немые, стоят.
Их жизнь не разбудит с рассветом,
им ветров земных не вдохнуть.
Их курс только Господу ведом,
и вечен их гибельный путь.

Память

Шагая в смертоносной круговерти,
теряя и друзей, и города,
они почти не думали о смерти
и битв не вспоминали никогда.
А кто-то шёл и кто-то падал рядом,
санпоезда везли кого-то в тыл.
И каждый день, как срубленный снарядом,

кровоточа, в былое уходил.
Но даже ночью, где бы можно кануть
в кошмары неизбывные свои,
их сон, как мать, оберегала память
о доме, о покое, о любви.
И лишь теперь, уже сподобясь чуда
быть прикомандированным к живым,
они войну несут в себе повсюду
и правнукам передают своим.
И чтобы больше на страницах века
не повторился сорок первый год,
пускай навеки в гены человека
те боль и память свой вчеканят код.

Земеля

Опять небеса потемнели
над серыми гребнями гор...
Давай-ка закурим, земля,
пока остывает мотор.
Пока от недавнего боя
еще не развеялся дым,
давай-ка, земля, с тобою
о доме родном помолчим.
А дома в тиши безмятежной
мальчишки милуют подруг,
касаясь фаты белоснежной
ладонями чистеньких рук.
А нас незабвенные колют
погибших друзей имена.
Такая нам выпала доля –
мужская нам доля дана.
Не ангелы мы и не черти,
и пули нас ищут в бою.
И всё же мы ходим у смерти
на самом переднем краю.
Опять в пулеметном прицеле
качается наша звезда...
В грязи у нас руки, земля,
а совесть, – как Знамя, чиста.

Прожектора Поэма

*Солдатам зенитно-прожекторного полка, прикрывавшего небо
над Куйбышевым, всем женщинам – ветеранам Великой войны с любовью,
уважением и благодарностью*

1

– Надюшка, а ведь нынче Новый год!
И вечер – погляди, какой хороший...
– Мороз дерёт.
– Да ладно там дерёт.
Зато ни ветерка и ни пороши.
Вот красота!
– А мне бы – так пурги!
Хоть подремать в землянке втихомолку...
– А мне б, девчонки, стряпать пироги
да украшать бы вместе с мамой ёлку.
– А мне бы юбку-«солнце» да паркет,
да закружиться в беззаботном вальсе...
– А мне бы – только б Лёшка отозвался!
И никаких других желаний нет...
Как звонки на морозе голоса!
Смеётся месяц, небо в крупных звёздах...
Но тут же эта хрупкая краса
разбита вдребезги сиреной:
– Воздух!..

2

Ах, девчонка ты, девчонка,
хохотушка, егоза!
Завлекательная чёлка,
искромётные глаза.
По годам твоим весенним
в эту ночь под Новый год
покружить тебе б с весельем
разудалый хоровод.
Да на саночках кататься
по дорожке ледяной,
да с милёнком целоваться
(не качай, брат, головой!).
Всё не так!
Войной исчёркан
этот светлый праздник наш.
И в подарок ты, девчонка,
получила патронташ.

3

Да винтовку боевую,
да команд сухую речь...
Да приказ:
страну родную
от фашиста убережь!

Куда исчез он, рай морозный?
Откуда взялся жаркий ад?..
Перед напором смерти грозной
ты не девчонка, ты – солдат!
И хоть зови родную маму,
и хоть ругайся в богамать, –
должна ты твёрдо и упрямо
стоять, стоять, стоять, стоять.
Стоять!..
А ворог хищно кружит
и выдох взрывов густ и жгуч...
Стоять!..
А всё твоё оружие –
прямой, как правда, света луч.
И надобно с соседкой вместе
(солдату не к лицу дрожать...)
поймать фашиста в перекрестье,
дрожать – а всё-таки держать.
Держать!
Пусть рвется выше-ниже,
пусть мечется вперёд-назад.
И голосить, себя не слыша:
– Смотрите, вот он!
Вот он, гад!..

4

Женщина...
Веками не тебе ли,
славя радость жизни и любви,
и бояны, и акыны пели
песни благодарные свои.
Воспевали губы слаще ягод,
стройный стан, крутую плавность плеч...
Но тебя от горестей и тягот
не могли мужчины убережь.
Ты семью вела, огонь хранила,
будничных забот вертела круг.
Как умела, пахаря кормила,
а порой сама впрягалась в плуг.
И пошло присловье не отсюда ль,

что, себе и детям строя дом,
надобно мужскую мощь и удаль
на терпенье замешать твоём.
И живёт обычай стародавний:
в тяжкий час, тревогу протрубя,
на борьбу, на подвиг, на страданье
призывает Родина тебя.
И шагает во главе похода
наша Русь под яростным огнём,
для солдат и для всего народа
воплотившись в облике твоём.

5

Где небо?.. Где земля?.. Всё смерть и ад.
Лишь ухают фугаски грубым басом...
«Ты всё равно нас не погубишь, гад!
Мы выживем назло твоим фугасам!»
Осколки хлещут по лесу, по льду,
по зданьям, по машинам и по людям...
«Мы выстоим! Мы выдюжим беду!
Мы женихов дождёмся и полюбим!»
Среди армады воющих смертей
неужто ты одна жива на свете?..
«Мы выйдем замуж и родим детей!
Они прекрасны будут, наши дети!»
А смерть бушует:
– Всё вокруг сотру!
Москву и Пензу, Новгород и Нальчик!..
«Мы переженим нашу детвору
и бабушками внуков будем нянчить!»
И мощным хором батарей и рот
летит навстречу смертной круговерти:
– Страна не дрогнет! Выстоит народ!
Пускай мы смертны – Родина бессмертна!

6

Много лет как вернули пушки
нам оглохшую тишину.
Стали бабушками девчушки,
победившие в ту войну.
И в шкафу на парадном жакете
их медалей солдатских ряд.
И глаза неотцветшие эти
добротой и покоем горят.
И сидят они мирно у ёлки
в новогоднем семейном кругу...
А я вижу ту ночь у Волги,

небо в звёздах и лес в снегу...
Даже этой торжественной ночью
нам из бывшего болью вчера,
как погибших бесстрашные очи,
светят давние прожектора.
И зимою нам светят и летом,
в ясный полдень и в серую рань,
разгоня безжалостным светом
тьму, где прячутся нечисть и дрянь.
Освещая большую дорогу,
где идти нам с тобой до конца,
и пронзая совестью строгой
и дела, и умы, и сердца.
И сегодня, когда на планете
веселятся все до утра,
я прошу вас –
помните эти
негасимые прожектора!

Осколки гибридной войны Лирико-сатирическое каприччо

Сезонное обострение

*Памяти русских и немцев, сербов и американцев, евреев и арабов –
всех жертв терроризма, независимо от религии и национальности*

Весна –
и всё обостряется:
желания,
чувства,
хвори.
Даже ум
растерянно отступает
под напором
обострившейся дури.

Последний бой

*Обращение urbi et orbi
Самодержца вся Земли*

Это есть наш последний
и решительный бой!
Под нашенским Стягом
воспрянет род людской.
Нам бросил вызов незаконный
весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущённый
и всех подряд крушить готов.
На свалку Ялты и Потсдамы!
Нам Бог судья, а не ООН!
Асад Милошевич Усама
теперь на гибель обречён.
Накроет мир зонтом свободы
наш звёздно-полосатый стяг.
Ликуя, побегут народы
в демократический ГУЛАГ.
Там ждут их «сникерсы» и «пепси»,
«биг-мак» с попкорном пайковой
и радость выпивки и секса
в конце недели трудовой.
Любителей кривой дорожки

ждет скорый на расправу суд.
Гуманитарные бомбёжки
цивилизацию спасут.
Врагов ракетами накроем,
послушным выделим денегжат.
Мы наш, мы новый мир построим
на свой, американский лад!
Это есть наш последний
и решительный бой!
Под нашенским Стягом
воспрянет род людской!
Человечество, равняя-а-айсь!
Смиррррно!
Равнение на Америку!
В светлое будущее
с места с песней
шаго-ом... МАРШ!!

Теория относительности

Если я лечу –
значит, ты стоишь.
Если я кричу –
значит, ты молчишь.
Если я силён –
значит, ты слабак.
Если я умён –
значит, ты дурак.

Гуманизм-XXI

До чего же красиво звучит:
гуманитарная бомбардировка!
На завтрак –
солидная авиабомбища.
На обед –
основательный «томагавк».
На ужин –
высококалорийная ракета.
Ешь, Махмуд, не хочу!
Лопай, Ваня, от пуза!
Гуманисты в мундирах
и цивильной одежде,
но все поголовно
с ангельскими крылышками,

завсегда готовы
попотчевать нас,
слаборазвитых аборигенов,
этим добром
до отвала.

Примечание на полях войны

Хорошо,
когда по хóрошу мил, –
да милей,
когда хорош пó милу...
Не беда, что Русь
вышла в мир, –
да беда, что Русь
пошла пó миру...

Чужаки

Там сладко врут,
там мягко стелют,
там тщатся прикормить с руки.
Но для Нью-Йорков и Брюсселей
мы варвары и чужаки.
Там рады шлюхе и бастарду,
там педераст – желанный гость.
Но «золотому миллиарду»
Россия – словно в горле кость.
Ему страшнее всех напастей
её просторы и века.
Но разорвать её на части
кишка пока ещё тонка.
И он следит в надежде зыбкой
за русским миром, как шакал,
тая под дружеской улыбкой
клыков безжалостный оскал.

Академия Голливуд

Дешёвые университеты
для жителей всей планеты.
Наведение мостов
с промыванием мозгов.

За блокбастером блокбастер
про нахрапистых и зубастых.
Про то, как хапать
и грабастать.
Убивать –
и ослепительно улыбаться.
Американская *high school*
по сворачиванию скул.
А еще –
наука о том,
как не млет и не ахать,
а попросту девок
тискать и трахать.
Полный курс
морали бандитской
в упаковке
из джаза и «диско».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.